

с его основными источниками — Стрыйковским и Густынской летописью, следует обратить внимание на откровенно монархические взгляды автора, стремящегося во что бы то ни стало преувеличить и приукрасить заслуги князей, оправдать всех их без исключения.⁵⁴ Идеализация монархизма, порой переходящая в заведомую фальсификацию, характерна для «Синопсиса». Это видно во всем: от подробностей и до главного. Например, Ольга не ключница, а правнучка Гостомысла; она не упрекает Святослава, покинувшего ее; пропущена мотивировка отказа Рогнеды на предложение Владимира; Святополк не совершил никаких злодейств, а представлен как князь «благоверный». Известный ответ Владимира магометанским послам передан иначе, чем в летописи: «не можем мы пребыти без вина, понеже в Россиянах все веселье и приятельство в подпитии бывает».⁵⁵ Все отрицательные черты в жизни Владимира-язычника «Синопсис» объяснял только тем, что «во тьме идололожения бысть». Но когда «небесным светом крещения святого просветился, в разум истины пришел, тогда сицевых богомерзостей сам гнушащеся и прочим творити я возбраниша».⁵⁶

В свою очередь отрицательные персонажи летописи в «Синопсисе» еще более заострены. В этом смысле примечательна характеристика Блуда. Яркий летописный рассказ о княжеском воеводе, изменившем своему господину, дорисован с большой выразительностью. Блуд — это изменник «именем и вещью», враг и изменник своего государя, тогда как у Стрыйковского он «наивиднейший пан радный».⁵⁷

В рассказе о взятии Киева войсками Андрея Боголюбского ничего не говорится о разграблении города. На данном эпизоде, убедительно показывающем, как автор «Синопсиса» обрабатывал свои материалы, несколько остановимся. Ипатьевская летопись, например, освещает это событие в духе, благоприятном для Северо-Восточной Руси: «поможе бог Андреевичу Мстиславу с братиею, и взяша Киев».⁵⁸ Густынская летопись оценивает взятие Киева войсками северо-восточной коалиции русских князей несколько по-иному. Описав разграбление Киева с реалистическими подробностями, летопись сделала вывод о падении киевского княжения и установлении власти московских князей над киевскими: «... паде княжение Киевское, а Володимирское в Москве вознесеся, оттоли бо Московские князи над Киевскими начаша владети».⁵⁹ В «Синопсисе» не только обойдено молчанием разграбление Киева, но воздана пространная похвала Андрею Боголюбскому, в которой он назван великим князем «всех Российской земли».⁶⁰

Не ставя перед собой задачу подробного описания древнерусской истории, напротив, стремясь к краткому и популярному изложению, автору «Синопсиса» было легко опустить неприятные для национального самолюбия подробности и дополнить в патриотических видах выпущенное Стрыйковским. Говоря о войнах, например, с греками, где «Синопсис» вообще

⁵⁴ «Синопсис», стр. 31; Стрыйковский, стр. 117, 40 и 121; ср также соответственно стр. 45 и 124, 96 и 173, 114 и 202.

⁵⁵ «Синопсис», стр. 60. У Стрыйковского (стр. 128) нет даже летописного ответа: «веселье Руси пити не можем без этого быти». В. Н. Татищев в той рукописи, о которой А. А. Шахматов говорил, что в ней «ничего изобретенного самим Татищевым не найдется», изменил текст: «руссом есть в веселье и здравие от пития с разумом пиемого». Зависимость татищевского текста от «Синопсиса» очевидна.

⁵⁶ «Синопсис», стр. 54. Конечно, у Стрыйковского и летописи этого нет. Обращает внимание то, что «Синопсис», самостоятельно дополняя свои источники, архаизирует язык, видимо, «достоверности для», что было характерно и для XVIII в.

⁵⁷ «Синопсис», стр. 45; Стрыйковский, стр. 124.

⁵⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 100.

⁵⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 311.

⁶⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 114—115.